

ЖИЗНЬ

ПРИГОВОР СЫНУ

Корнилов Юрий

№, 17 Января 2002г.

В конце лета 1941 года, в один из самых тяжелых периодов Отечественной войны, когда немцы, оставив позади пылающий Минск, рвались к Москве, Сталин подписал приказ N 270, приравнявший сдачу в плен к измене Родине. Этот приказ был датирован шестым августа. А несколько дней спустя Верховный главнокомандующий, вскрыв залепленный сургучными печатями конверт, присланный ему А.Ждановым - в ту пору членом Военного совета Северо-западного направления, обнаружил экземпляр изданной 4-миллионным тиражом немецкой листовки. На ней был запечатлен его старший сын Яков, беседующий с офицерами гитлеровского вермахта. Текст гласил: "По приказу Сталина учат вас Тимошенко и ваши полководцы, что большевики в плен не сдаются. Однако красноармейцы все время переходят к немцам. Чтобы запугать вас, комиссары вам лежат, что немцы плохо обращаются с пленными. Собственный сын Сталина своим примером доказал, что это ложь. Он сдался в плен, потому что всякое сопротивление германской армии отныне бесполезно..."

Это был изощренный пропагандистский удар, и сегодня мы можем лишь догадываться, как воспринял этот удар Верховный главнокомандующий. Лучшие образцы лжи, как известно, изготавливаются из полуправды. Нацистские мастера фальшивок говорили правду, возвещая на весь мир, что ими пленен сын советского вождя. Однако они лгали, утверждая, что "красноармейцы все время переходят к немцам". Они лгали, говоря о своем гуманном отношении к советским военнопленным. Они лгали и тогда, когда утверждали, будто сын вождя оказался в плену, потому что он якобы посчитал сопротивление германской армии "бесполезным"...

Выпускник Артиллерийской академии РКК старший лейтенант Яков Джугашвили ушел на фронт на второй день после начала войны. Он сам настоял на том, чтобы его отправили на передовую. Окружение и разгром полка, в котором он служил, ныне известны в деталях. Тогда, летом 1941 года, схожая трагическая судьба постигла множество подразделений отступавшей Красной Армии. Это был результат неготовности страны к войне, грубых ошибок, просчетов и - преступлений тех, на ком лежала ответственность за оборону СССР.

Старший лейтенант Джугашвили, оказавшись в плену, пытался скрыть свою фамилию, но был выдан предателем. И лишь после этого на допросе в штабе командующего группой немецких армий "Центр" генерал-фельдмаршала Клюге заявил: "Да, я - сын Сталина..."

В богатой историко-мемуарной литературе о Сталине и его семье есть и немало страниц, посвященных Якову Джугашвили, сыну диктатора от его первой жены Екатерины Сванидзе, умершей, когда Якову было два годика. С этих страниц перед нами встает образ порядочного, но нерешительного, в чем-то просто слабого человека. Вместе с тем сын Берии Серго, вспоминая о Якове, акцентировал внимание на том, что он "очень поздно" вступил в партию, да и то лишь под нажимом Сталина. Молотов в своих воспоминаниях с явной ноткой осуждения утверждал, что Яков был "каким-то беспартийным" и даже "немного обывательским" человеком.

Сегодня (когда известно, как вел себя Яков в час испытаний) эти характеристики выглядят однобокими. (В частности, не вступать в партию тогда - слабость это или что-то иное?) Вот, например, выдержка из мемуаров немецкого капитана разведчика В. Штрикфельда, который вместе с другим немецким разведчиком, Шмидтом, допрашивал Якова уже через три дня после его пленения:

"Хорошее, умное лицо со строгими грузинскими чертами. Держал себя сдержанно и корректно. Мы предложили ему сесть с нами за стол, покушать и выпить. Вначале он отказался, но, когда увидел, что я и Шмидт пьем сухое вино, взял стакан с вином. "Вы, немцы, - сказал он, - слишком рано на нас напали, поэтому вы нашли нас недостаточно вооруженными". Джугашвили назвал нападение Германии на Советский Союз бандитизмом. В освобождение русского народа немцами он не верит, равно как не верит и в конечную победу Германии..."

А вот выдержка из воспоминаний бывшего немецкого военнопленного, капитана А. Казбеги, который вместе с Яковым находился в лагере под Ораниенбургом: "Сыну Сталина немцы предлагали чин полковника германской армии, почести, ордена, богатейшее поместье в Германии или на Кавказе, красивую знатную жену (дочь одного видного нациста) и т.п., уговаривая его выступить по радио и в печати против своего отца, убеждая его, что дни советской власти сочтены, что Россия как государство скоро перестанет существовать. Во имя исторической правды следует сказать, что Я. Джугашвили все эти предложения гитлеровцев с возмущением отверг, отказавшись облачиться в привезенный ему блестящий немецкий мундир, и до конца остался непреклонным - в своей фронтовой изодранной, пропитанной потом и кровью гимнастерке".

Немцы несколько раз пытались обменять Якова - сначала на фельдмаршала фон Паулюса, затем - на плененного под Сталинградом племянника фюрера Лео Раубала. Сталин, не желавший и слышать о подобном обмене, тем не менее пытался, естественно, вызволить сына из фашистской неволи. Из воспоминаний лидера испанских коммунистов Д.Ибаррури мы знаем, что с этой целью в 1942 году за линию фронта была переброшена спецгруппа, в которую входил, в частности, испанец Хосе Мойсо, имевший документы на имя офицера франкистской "Голубой дивизии". Операция сорвалась, ее участники погибли. "Сталин хотел не столько спасти сына, сколько обезопасить себя, - считал военный историк Д. Волоконогов. - Он боялся, что фашисты могут "сломать" Якова и использовать его против отца". Это мнение не имело под собой никакой почвы, что подтверждает донесение Берии, направленное Сталину 5 марта 1945 года:

"В конце января с.г. Первым Белорусским фронтом была освобождена из немецкого лагеря группа югославских офицеров. Среди освобожденных - генерал югославской жандармерии Стеванович, который рассказал следующее. В лагере "Х-С" г.Любек содержался ст. л-т Джугашвили Яков, а также сын бывшего премьер-министра Франции Леона Блюма - капитан Роберт Блюм и другие. Джугашвили и Блюм содержались в одной камере. Стеванович раз 15 заходил к Джугашвили, предлагая материальную помощь, но тот отказывался, вел себя независимо и гордо. Не вставал перед немецкими офицерами, подвергаясь за это карцеру. "Газетные слепки немцев обо мне - ложь", - говорил Джугашвили. Был уверен в победе СССР".

Это донесение Сталин получил уже в канун Победы, через два года после гибели сына. А как он погиб? Вот версия Д. Волоконогова:

"Джугашвили-младший также боялся, что в результате пыток, психологической обработки, использования особых препаратов он может быть сломлен и в глазах отца и народа станет предателем. Сама мысль эта была невыносима, страшнее смерти. Круги ада, пройденные им в лагерях Хаммельбурга, Любека, Заксенхаузена, не сделали Якова предателем. Но силы были на исходе. 14 апреля 1943 года Яков Джугашвили бросился на колючую проволоку лагерного ограждения, и часовой застрелил его". Схожие описания гибели Якова содержится и в многочисленных публикациях советской, российской, зарубежной прессы.

При всей убедительности этой версии она все же не может не вызвать вопросов. Почему Яков Джугашвили, продемонстрировавший стойкость и мужество в плену в самый тяжелый период войны, вдруг решил покончить с жизнью весной 1943-го? Ведь в это время в ходе войны наступил явный перелом, и у миллионов фашистских узников окрепла надежда на грядущее освобождение. Сознывая, что их призывы сдаваться в плен не приносят никаких дивидендов, немцы практически перестали использовать имя вождя для пропагандистских целей. Мне кажется, учитывая эти обстоятельства, версия о том, что Яков вдруг стал опасаться (после всего, что было) новых принуждений к публичным антисоветским заявлениям, выглядит ошибочной.

В архиве шефа гестапо Гимmlера, рассекреченного госдепартаментом США, есть документ, озаглавленный "Заключительный отчет особой комиссии Главного управления имперской безопасности по расследованию обстоятельств смерти сына Сталина - Якова Джугашвили". Из "отчета" явствует, что в канун гибели Яков прослушал по берлинскому радио пространную передачу, посвященную судьбам советских военнопленных. В передаче, о которой идет речь, говорилось о том, что председатель Национального комитета Красного Креста Швеции граф Бернадотт обратил внимание Сталина на бедственное положение советских военнопленных, а Сталин, отвечая Бернадотту, заявил, что "русских военнопленных нет - русский солдат бьется до смерти; если же он выбирает плен, он автоматически исключается из русской общности". "После этой передачи сын Сталина стал чувствовать себя каким-то подавленным, похожим на человека, ощущающего за собой какую-то вину, - свидетельствовал один из сокамерников Якова - Томас Кушниг, воспоминания которого опубликовал немецкий журнал "Шпигель". - Ему казалось, что он тоже относится к категории изменников. Если учесть к тому же, что он иногда был подвержен депрессиям, рецидивы которых в условиях лагерного режима и душевных переживаний еще более усилились, то, на мой взгляд, именно в этот день Яков Джугашвили принял окончательное решение покончить с жизнью..."

Да, Яков Джугашвили слишком хорошо знал своего отца, чтобы понимать, что его приказ N 270, подписанный еще в 1941 году, - не пустые слова, а прослушав ответ Сталина Бернадотту, он мог со всей ясностью представить себе, что ожидает его в случае возвращения на Родину. И он не ошибался. После 1945 года почти полтора миллиона российских солдат, попавших в годы войны в плен, вынуждены были пройти ГУЛАГ как изменники Родины. К этому следует добавить, что еще около 180 тысяч бывших военнопленных так и не вернулись на Родину - из страха перед репрессией. Но этот второй

вариант для Якова Джугашвили был изначально исключен.

В своей книге "Двадцать писем к другу" дочь Сталина Светлана свидетельствует, что у Якова всегда были очень тяжелые отношения с отцом. "Вождем всех народов" был недоволен переездом сына из Грузии в Москву, его выбором "мирной профессии" (до начала учебы в 1935 году в Артакадемии Яков окончил институт инженеров транспорта, получил диплом инженера-электрика и работал на одной из ленинградских ТЭЦ), двумя его женитьбами, словом, - всем его поведением и жизнью. "Доведенный до отчаяния отношением отца, совсем не помогавшего ему, Яша выстрелил в себя у нас на кухне, на квартире в Кремле, - пишет Светлана. - Он, к счастью, только ранил себя - пуля прошла навылет. Но отец нашел в этом повод для насмешек. "Ха, не попал!" - любил он поиздеваться. Мама была потрясена..."

И еще одна выдержка из книги С.Аллилуевой:

"Я видела недавно во французском журнале статью шотландского офицера, якобы очевидца гибели Яши. К статьям подобного рода надо относиться осторожно - на Западе слишком много всякого рода фальшивок о "частной жизни" моего отца и членов его семьи. Но в этой статье похожи на правду две вещи: фото Яши, худого, изможденного, в солдатской шинели, - безусловно, не подделка; и тот приведенный автором факт, что отец ответил отрицательно на официальный вопрос корреспондентов о том, находится ли в плену его сын. Это значит, он сделал вид, что не знает этого, - тем самым, следовательно, бросил Яшу на произвол судьбы. Это весьма похоже на отца - отказываться от своих, забывать их, как будто бы их не было. Впрочем, мы предали точно так же всех своих пленных..."

Только ли немцы (зададимся наконец этим вопросом) подтолкнули Якова Джугашвили к роковому шагу?